

КАПРИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

К 100-летию со дня рождения классика украинской литературы М. М. Коцюбинского в издательстве «Дніпро» вышло новое, дополненное издание повести Леонида Смялянского «Михайло Коцюбинский». Сегодня мы печатаем с некоторыми сокращениями новые главы повести.

С РЫБНОЙ ловли возвращались под вечер. Горький с женой, Марией Федоровной Андреевой, настояли на том, чтобы Коцюбинский не задерживался в своем отеле и обязательно пришел обедать.
— Будем есть угря, — пообещал Алексей Максимович.
...Коцюбинского встретила Мария Федоровна и тотчас повела его на веранду:

— А у нас гости. И вас уже ждут. Прошу...
Она ушла в дом, где накрывали к обеду. Коцюбинский на минуту задержался в дверях, что вели на веранду. Горький стоял, опершись на перила. Рядом на гнущем венском стуле сидел незнакомый Коцюбинскому человек и весело смеялся, играя с белым пушистым котенком, припавшим к нему на колени; одновременно он что-то рассказывал Алексею Максимовичу.

Увидев Коцюбинского, Алексей Максимович сделал несколько шагов ему навстречу:
— Как всегда, вовремя! Сейчас я познакомлю вас с нашим дорогим гостем. Пожалуйста...

Котенок испуганно прыгнул с колен. Незнакомец встал. На Коцюбинского смотрели чуть-чуть прищуренные и слегка улыбающиеся глаза. Горький отрекомендовал Михаила Михайловича гостю, который назвал себя:

— Ульянов.
— Владимир Ильич, — добавил Горький.
Держа руку Коцюбинского в своей и продолжая улыбаться, Ленин сказал:
— А я о вас уже слышал. Мне рассказывали, да, да, рассказывали — и только хорошее.
— Кто же это мог так меня расписать?
Ленин, прищурив один глаз, лукаво, сбоку посмотрел на Горького и вдруг громко засмеялся. И тогда все трое звонко расхохотались...

КАК-ТО после обеда Михаил Михайлович получил записку от Марии Федоровны. Она писала, что все обеспокоены его отсутствием и что Владимир Ильич уже не раз спрашивал о нем. В конце записки Мария Федоровна передавала просьбу Алексея Максимовича, чтобы Коцюбинский пришел как можно скорее.

На вилле Михаил Михайлович застал большую группу учителей из России. Учителя приехали на Капри, чтобы встретиться с Горьким.

В большой гостиной вокруг стола и у стен сидело около пятидесяти человек. На столе, по местной традиции, стояло легкое каприйское вино в кувшинах, фрукты. Говорил пожилой, с черной посеребренной бородкой учитель. Коцюбинский остановился на пороге. Пятницкий, сидевший на диване у стены, жестом позвал его к себе.

Учитель говорил о тяжелой жизни народа, о подъеме революционных настроений после упадка, наблюдавшегося несколько лет. Что делать дальше? — спрашивал гость из России. Какие идеи должны они, народные учителя, нести в народ?

Ленин, сидевший сзади оратора, весь подался вперед и приложил ладонь к уху.

— Россия ищет истину, — говорил оратор. — Как сельская община посылает холодов искать новые земли, так общественность посылает холодов искать ответ на свое — что делать? Одни идут в Ясную Поляну: скажи, мудрый старче! И слышат в ответ: «Смирись, не противься злу...» И холоды тогда совершают путешествие за моря, на этот чудесный остров, — и душу согревает песня: «Буря! Скоро грянет буря!»

— Прекрасно! Bravo, bravo! — воскликнул Владимир Ильич и громко зааплодировал.

Взволнованный Горький обнял и поцеловал гостя:

— Как приятно встретиться с нашими русскими людьми, да еще и учителями. Тоскую я здесь по России, ой, как тоскую! Иногда хочется заплакать... Друзья, — продолжал он, — я еще не отрекомендовал вам одного нашего земляка, писателя, произведения которого вы знаете и, наверное, любите, потому что их нельзя не любить. Я, например, люблю его произведения, а также и самого их автора и рекомендую вам здесь Михаила Михайловича Коцюбинского.

Раздались аплодисменты. Особенно неожиданным было его присутствие для учителей с Украины, которых среди экскурсантов было немало. Михаил Михайлович смущенно улыбнулся...

...Вечером собирались идти на гору, в Анакапри — соседний поселок на острове. Михаил Михайлович, который много бродил утром и чувствовал себя усталым, хотел распрощаться. Тогда все решили сойти вниз к морю. Извилистой тропинкой спустились к пристани. А потом всей компанией свернули на безлюдную в это время Piccola marina*. Здесь было тихо и спокойно. Луна вышла из-за скалы и осветила все вокруг. У ног спокойно и монотонно плескалось море. Где-то далеко мигали одинокие огоньки. Каприйские рыбаки вышли ловить сепию на огонек.

— Я люблю сидеть в лодке и подсекать с пальца, днем, против солнца, — сказал Владимир Ильич. — Вы видели, как я научился подсекать, Михаил Михайлович?

— Видел вчера. Вы ловили недалеко от пляжа, где я бываю ежедневно.
— Я тоже видел вас вон там на камне, у самой воды. Вы принимаете солнечные ванны в одежде и даже в турецкой феске.

— Иначе мне нельзя. Солнце и полезно, и опасно для меня. Возможно, я буду себя чувствовать лучше, тогда... Сердце...

Владимир Ильич сочувственно сжал локоть Коцюбинского.

— Вы обязаны беречь свое здоровье. А особенно теперь...
— Теперь?

— Да. России теперь нужны светлые, смелые умы, а тем более таланты, преданные народу, делу его освобождения. — И, сжимая локоть Коцюбинского, который хотел было что-то возразить, Ленин продолжал: — Вот ваша «Fata morgana»... Алексей Максимович как-то целый вечер подробно и, знаете, талантливо пересказывал мне содержание вашей повести. Превосходно!

— Я закончил ее незадолго до приезда на Капри и дал читать Алексею Максимовичу. Ваше мнение для меня очень ценно.

— Когда книжка выйдет, я ее прочитаю. Обязательно. Но и сейчас... То, что рассказал Горький... Вы знаете, батенька, что вы сделали для нашего крестьянства, да разве только для крестьянства...

Он не успел закончить свою мысль, — они догнали всю компанию, поджидавшую их. Ленин сразу же включился в общий разговор. Вскоре к ним подошел всем знакомый лодочник, рыбак Сладаро. Он что-то сказал, показывая на свою лодку с высокими бортами.

— В море предлагает нам, — пояснил Алексей Максимович.

— Он обещает усадить в свою лодку всех нас и говорит, что сейчас в море хорошо, — добавил Коцюбинский.

— Чудесно! — весело воскликнул Владимир Ильич и первым направился к лодке...

УЖЕ на вилле Ленин вернулся к своему разговору с Михаилом Михайловичем. Пока в доме готовили стол к чаю, они вдвоем гуляли по дорожке, и Владимир Ильич говорил:

— Я видел, как сегодня обрадовались учителя с Украины, когда Горький так неожиданно представил вас. Они читали ваши произведения, прониклись уважением к вам...

— Они, Владимир Ильич, просто обрадовались земляку — вот и все.

— О нет, не говорите. Ведь в ваших произведениях они черпают революционные идеи.

— Не привык я, Владимир Ильич, к таким оценкам моих произведений.

— Это справедливая оценка, Михаил Михайлович. Ведь вы не только поддержали идею конфискации помещичьей земли — вы пошли дальше. У вас бедняки и середняки создали на отобранной у помещика земле общественное хозяйство. Горький по памяти цитировал мне даже фразу из повести, вашу, уважаемый писатель, фразу. Помните, там, где крестьяне размышляют: «Что лучше — поделить ли землю между людьми или, может, вместе обрабатывать поля и потом уже делить хлеб...» Если я верно цитирую...

— Верно.

— И вы сказали всему нашему обществу: лучше обрабатывать землю сообща!.. И еще вы показали, как рабочий класс через своих представителей

возглавляет борьбу крестьянства. А это теперь важно, очень важно. Вот что такое ваша повесть для общества!

— Но, Владимир Ильич, я многим обязан вам, вашим работам. Во всяком случае в моей нелегальной библиотеке ваша «К крестьянской бедноте» зачитана уже до дырок... И жизнь подтверждает ваши идеи. Я знаю на Украине немало случаев, когда крестьяне, конфисковав помещичьи земли, не делили их, а обрабатывали совместно, кооперативом.

— Так, значит, вы за конфискацию и против раздела?
— Полностью.

...ПЕРВОГО июля Ленин должен был уезжать с Капри. Придя к Горькому после обеда, Михаил Михайлович застал на веранде, как всегда, несколько человек. Возле маленького кофейного столика, стоявшего в стороне, Ленин с одним из гостей играл в шахматы.

Увидев вошедшего Коцюбинского, Алексей Максимович громко позвал его. А затем обратился ко всем присутствующим:

— Я предлагаю прощальную прогулку по острову, в горы.

Гости ответили общим согласием. Ленин поставил условие, чтобы прогулка была недолгой. Ему хотелось бы еще дотемна вернуться на виллу, чтобы подготовиться к утреннему отъезду.

...Почти на вершине Монте Солляро была небольшая площадка с одинокой пинией

— Здесь очень красиво, — тихо произнесла Мария Федоровна, присаживаясь на большой камень. — И только не хватает стихов...

— А ведь действительно, — поддержал Пятницкий, — место для стихов очень подходящее: скалы, море, орлы... Алексей Максимович, как раз для вашего «Орел поднимается в небо»...

Горький молча покачал головой. Владимир Ильич, который тоже сидел на камне и смотрел на море, вдруг обернулся:

— А что же, Алексей Максимович, это верно про стихи. Видите, как все здесь напоминает нашу родину. И полны точно такая же, как у нас, и перепела перекликаются так же. Неловко только хороших стихов о России, особенно в этот вечер прощания с Капри...

Алексей Максимович не ответил, он быстро, порывисто поднял голову, словно прислушиваясь к рождавшимся в это мгновение мыслям, и начал вполголоса читать:

За горами гори хмарою повіті,
Засіяні горем, кровію політі...

...Когда Алексей Максимович замолчал, никто не аплодировал ему. Прошли минуты, прежде чем загворили все сразу. Только Ленин еще некоторое время молчал...

— Вот вам и про Россию! — сказал Горький, ни к кому не обращаясь. — Печатай на листовку — вот тебе и прокламация...

Ленин кивнул головой в знак согласия.

— Словно отсюда увидели Россию, в думу, во мгле... — задумчиво произнес он.

Коцюбинский был взволнован и растроган. Словно волшебную силу влила в него стихи Шевченко здесь, за тысячи верст от родного края, на высокой скале среди чужого сказочного моря.

Авторизованный перевод с украинского М. ДОБРЫНИНОЙ